

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЗАПАДНОГО УРАЛА В НАЧАЛЕ XXI в.: ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ И ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ

А.М. Белавин,
Пермский научный центр УрО РАН

Исследуется история изучения Западного Урала и сопредельных территорий археологами и историками Отдела истории, археологии и этнографии Пермского научного центра на современном этапе, анализируются направления и тематика проведенных исследований и их результаты, определяются перспективные направления научного поиска.

Ключевые слова: Западный Урал, археологические культуры, этнические процессы, материальная культура, антропология, историография, Пермский научный центр.

Западный Урал, или Уральское Прикамье (Пермское Предуралье), – один из самых живописных уголков на территории Российской Федерации, протянувшийся с севера на юг вдоль зоны сочленения Восточно-Европейской равнины и Уральской горной системы. В административном отношении рассматриваемое пространство сегодня принадлежит территории Пермского края, занимая площадь около 60 000 кв. км (примерно равна двум площадям государства Бельгия).

На этой территории сосредоточено более двух тысяч археологических памятников, представляющих собой бесценный источник знаний о разных эпохах истории Западного Урала – от палеолита, когда впервые нога человека ступила на прикамскую землю, до периода позднего средневековья и нового времени, когда

Западный Урал стал частью государства Российского и очагом горнозаводской цивилизации.

Археологические исследования в Прикамье ведутся уже почти 200 лет. В 1819 г. на городищах Искор, Пянтежском и поселении Урол В.Н. Берхом, чиновником Пермской казенной палаты, были проведены первые археологические раскопки в Прикамье. Относительно регулярные исследования археологических памятников Прикамья были налажены А.Е. и Ф.А. Теплоуховыми во второй половине XIX в. Активная изыскательная деятельность по археологическому изучению древностей Пермской губернии велась различными краеведческими и научными организациями, возникшими во второй половине XIX – начале XX вв. К ним относятся Пермская ученая архивная

комиссия (1888), Пермский научно-промышленный музей и Пермская комиссия Уральского общества любителей естествознания – УОЛЕ (1890), Общество любителей истории, археологии, этнографии Чердынского края (1899).

В 1917–1924 гг. были начаты археологические исследования Пермского университета, которыми руководил молодой тогда хранитель музея древностей и преподаватель А.В. Шмидт. В связи с началом строительства Камской ГЭС в 1930-х гг. в Прикамье масштабные работы развернула экспедиция Государственной Академии истории материальной культуры, которой первоначально руководил А.В. Шмидт. Вместе с ним трудились такие археологи, как Н.А. Прокошев (1907–1942), М.В. Талицкий (1906–1942), А.В. Збруева (1894–1965). В 1947 г. создается подразделение исторического факультета Пермского государственного университета – Камская археологическая экспедиция под руководством известного советского археолога О.Н. Бадера. Долгие годы КАЭ ПГУ руководил профессор В.А. Оборин. С начала 1970-х и до 1990-х гг. преимущественно в юго-восточных районах Пермской области проводились широкомасштабные археологические исследования Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета (КВАЭ УдГУ) под руководством профессора Р.Д. Голдиной. С 1983 г. начинается деятельность Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (КАЭЭ ПГПУ) под руководством профессора А.М. Белавина.

В феврале 2002 г. выездной Президиум УрО РАН принял решение об открытии в Перми отделов гуманитарных институтов РАН, что было вызвано насущной необходимостью гуманитаризации академической науки и исправлением исторически возникших перекосов в структуре академических учреждений Западного Урала.

В марте 2003 г. был открыт Пермский отдел Института истории и археологии

УрО РАН, в апреле 2004 г. преобразованный в филиал этого института, а в 2013 г. на базе филиала был создан Отдел истории, археологии и этнографии ПНЦ УрО РАН как самостоятельное научное подразделение гуманитарного профиля Пермского научного центра.

Археологические исследования, ведущиеся в Пермском крае Отделом истории, археологии и этнографии ПНЦ УрО РАН в XXI веке, отличаются широким применением комплексного подхода и междисциплинарных связей, когда традиционные методы археологии дополняются методами археогеофизики, палеозоологии, палеоботаники, антропологии, что позволяет получать из археологического материала и культурного слоя объектов гораздо более качественную и широкую информацию. Использование возможностей РАН для организации радиоуглеродных, металлографических, химических анализов материала, современных информационных и математических методов обработки позволяет значительно углубить представления исследователей о сложных историко-культурных и социально-экономических процессах, проходивших на уральской земле многие столетия и тысячелетия тому назад.

В эпоху средневековья на Западном Урале идут процессы формирования основы коренного финно-угорского населения региона, сюда проникают представители тюркского и славянского (древнерусского) народа. Эти процессы тесно связаны с интеграцией населения региона в крупные экономические и политические системы Восточной Европы: Волжскую Булгарию, Древнюю Русь. К сожалению, письменные источники по древним и средневековым периодам истории Пермского Предуралья весьма скудны, и именно археология является практически единственным поставщиком исторических сведений. Безусловно, важную роль в реконструкциях этнокультурных, экономических и этногенетических процессов средневековой поры играют антропологические, ономастические, палеозооло-

гические, лингвистические, палеоэтнографические исследования и наблюдения, но без данных археологии эти исследования не могут реконструировать указанные выше процессы и играют лишь вспомогательную роль. Параллельно между археологами, лингвистами, этнографами и антропологами идет дискуссия о правомерности соотнесения объективно выделяемых археологических культур с определенными этносами при отсутствии письменных источников, напрямую указывающих на наличие этих этносов на конкретной территории.

Основные направления археологических исследований в Предуралье последних десятилетий были сосредоточены на решении вопросов, связанных с этнической оценкой накопленных за более чем 150 лет археологических исследований на этой территории материалов, а также насыщены спорами вокруг возможностей археологии в этногенетических реконструкциях. Впрочем, последнее – явление, характерное для всей постсоветской российской археологии.

Отечественная археология, в том числе и уральская, долгое время сосредотачивалась на обсуждении проблемы соотношения археологической культуры и этноса. Причем зачастую подспудным элементом такой дискуссии был вопрос о соотношении той или иной археологической культуры с совершенно конкретным современным этносом. Понятен интерес к реконструкции этнической истории народов, но весьма странным выглядят выводы об интерпретации археологических культур в этом плане. Так, читая труды наших коллег, мы находим в них башкир IX–XI вв., коми-пермяков в IX–XV вв., или, например, утверждения о том, что бахмутинская культура VI–VII вв. оставлена древнеудмуртским населением. В результате возникло представление о том, что реконструируемая этническая принадлежность древнего населения (носителей той или иной археологической культуры) должна иметь не только этнокультурные характеристики, но и отвечать на

вопрос о языке древнего населения. При этом зачастую за рамками обсуждения оставались представления об искусственности и условности выделения археологических культур. Последнее вытекает из общепринятого мнения о том, что «Археологическая культура» – это всего лишь технический термин, употребляемый для обозначения общности археологических памятников, относящихся к одному времени, отличающихся местными особенностями и сосредоточенных на определенной территории.

Кроме того, этнографы сходятся в утверждении, что большинство современных народов Евразии, чьи имена зачастую используют археологи для обозначения этнической принадлежности тех или иных древностей, сформировалось лишь в XVI–XVII вв., а иные – только в XIX столетии. Поэтому, например, даже термин «древний» в качестве прилагательного к этническому имени «коми-пермяки» или «удмурты» не позволяет считать таковым население, оставившее памятники ломоватовской, полемской, чепецкой и родановской культуры в VI–XV вв. В лучшем случае, мы можем пользоваться утверждением, что это население *в какой-то мере* участвовало в этногенезе современных коми-пермяков и удмуртов. Безусловно, народ *Mordens* из «списка Германариха» IV века нашей эры не может считаться современной мордвой (тем более, что в современных мордовских языках слово «мордва» как этноним не сохранилось), а только одним из его отдаленных предков, как и народ «Ару», упоминаемый ал-Гарнати в XII в., не есть «древние удмурты», но только один из возможных предков этого финно-угорского народа.

И хотя точки в дискуссии об этническом содержании археологической культуры поставлено не было, большинство отечественных археологов видят у археологии определенные возможности реконструировать этнические процессы, в том числе давать определения возможного этнического содержания археологических

культур, помня при этом, что «археологическая культура» представляет собой не некий реальный этнос, а конструкт, созданный для удобства описания и исследования, в том числе *гипотетической этничности*, которая, применительно к средневековью, также конструкт.

По мнению известного советского антрополога академика В.П. Алексеева, возможности археологии в плане этногенетических исследований практически безграничны. Важнейшим условием этнических определений в археологии, по его мнению, является «полнота находящихся в распоряжении исследователей археологических данных», что зависит, помимо количества раскопанных памятников, от широты их хронологического диапазона [1, с. 149–150]. Недостатком же археологических источников в плане этнических реконструкций является их определенная ограниченность, неполнота среза культуры, который дает археология. Исправить этот недостаток может лишь широкое сопоставление археологических и этнографических данных. По мнению В.П. Алексеева (и я согласен с ним), «археология – это этнография, опрокинутая в прошлое». Но это этнография, в которой остались только предметы быта, хозяйственные орудия, постройки – одним словом, материальная культура в широком смысле слова. Сила археологии в том, что она проникает в прошлое, слабость – в том, что она находит там лишь искаженные и неполные отражения этнических процессов древности.

Этнография и современная этнология утверждают, что для этнических образований характерен ряд признаков, носящих название этнодиагностирующих (этномаркеров). При этом большинство специалистов подчеркивают главенствующую роль материальной и духовной культуры и установление границ по принципу «свой – чужой», что находит отражение вплоть до психологии этноса. Артефакты окружают человека на протяжении всей жизни, они являются носителями специфических признаков, характерных для каждого народа.

Это позволяет идентифицировать объекты материальной культуры как своеобразные «этномаркеры», определяющие признаки этнической группы [29]. По замечанию В.А. Тишкова: «Этничность предполагает наличие социальных маркеров как признанных средств дифференциации групп, сосуществующих не в бинарной оппозиции "мы – они", а в более широком поле социального взаимодействия» [28, с. 61]. Эти маркеры образуются на разной основе, включая физический облик, географическое происхождение, хозяйственную специализацию, религию, одежду, украшения, пищу, обрядность и т.д. Язык лишь один из маркеров.

К сожалению, многие лингвисты, а вслед за ними и представители иных наук, напротив, считают язык единственным этномаркером [9]. Хотя язык был выбран основой принятой сейчас этнической классификации лишь для удобства, т.е. с «техническими» целями. Однако современные этнология и лингвистика демонстрируют, что языковая принадлежность и этническая культура – явления неодинаковые, поэтому они могут совпадать, но могут и не совпадать. Некоторые лингвисты полагают, что за время своего существования народ мог неоднократно менять язык, что ограничивает возможности использования лингвистических данных при решении этногенетических задач [20, с. 184–185] и, следовательно, эти задачи невозможно решать (применительно к древности) без анализа материальной культуры.

Значение тех или иных особенностей в культуре в качестве этнических определителей (маркеров) меняется от эпохи к эпохе и в разных конкретно-исторических условиях. Однако связующую роль между поколениями играли и играют важнейшие ритуалы, отмечающие самые существенные моменты жизни человека и коллектива, связанные с преобразованием человека, его переходом в иное качество: рождение, взросление, свадьба, смерть, получение статуса героя, предводителя, мудреца.

В каком-то смысле этническую идентичность можно рассматривать как некую совокупность смыслов, ценностей, воззрений, как некую смысловую систему, которая, однако, материализуется в виде набора предметов, наборов определенных обрядов и в силу материальности этого набора археологизируется. То есть этническую идентичность можно прочесть археологически через остатки ее материального выражения. Остатками такого выражения могут быть детали костюма, погребальный обряд, орнаментация и форма посуды и т.д., однако не сами по себе и по раздельности, а как некая целостная система, смысловой конструкт, допускающий внутри себя групповые отличия, воспринимаемые исследователями-этнологами как этнографические группы, но не разрушающийся во внешних проявлениях. Причем это устойчивая система, которая может быть перенесена в пространстве, двигаясь со своими носителями, если последние сохраняют свои внешние границы и усиливают в процессе движения внутреннюю идентичность. Именно этим объясняется устойчивое сохранение традиционного материального облика во время крупных миграций. Ярким примером такого рода может быть миграция угров-мадьяр из Предуралья в Паннонию, сохранивших свою идентичность и целостность на протяжении нескольких поколений после переселения. Оставшиеся в Предуралье угры сохраняли свою идентичность дольше, так как влияние внешних факторов, могущих ее разрушить, было значительно меньше.

Археологическая наука не может сводиться исключительно к вещеведческому анализу. Богатый разноплановый материал, накопленный в ходе археологических изысканий, требует обобщения и выводов, касающихся реконструкции хода исторического процесса, включая и процесс этногенеза, иначе бы археология не принадлежала к историческим наукам, а относилась к категории вспомогательных исторических дисциплин.

Если оперировать исключительно археологическими понятиями, можно констатировать, что на территории Большого Урала, включающей Приуралье, Зауралье и часть Западной Сибири, выделяется ряд средневековых археологических культур, имеющих определенное единство в области материальной культуры, культовой атрибутики, погребальных сооружений и т.п. Чем же объясняется это единство? Логично предположить, что неким этническим родством племен, имеющих общие стереотипы, определяющие способы организации системы жизнеобеспечения, ведения хозяйства, погребальную и культовую практику.

Сотрудниками Отдела была предпринята попытка вычленить угорский компонент в средневековых археологических культурах Приуралья (которые традиционно определяются как «финно-угорские»), используя комплексную методику анализа археологических источников, включающую математическую статистику керамических комплексов и погребальной обрядности по широкому кругу признаков, выделение реперных элементов материальной культуры (т.н. этномаркеров), их картографирование и выделение территорий, где эти этномаркеры представлены в сочетании между собой и наиболее концентрированно, локализуя зону проживания уральских угров. Этому была посвящена монография, основанная как на материалах из раскопок прошлых лет, так и на работах, проводимых на могильниках и поселениях в последние десятилетия, ряд этих материалов был впервые введен в научный оборот [4].

Выявлено, что средневековые археологические культуры как Предуралья, так и территорий, расположенных к востоку от Уральского хребта, объединяет близость погребального обряда. Разумеется, в погребальной обрядности локальных групп существовали некоторые особенности, объясняющиеся как вариативностью местных идеологических представлений, так и взаимодействием с иноэтничным населением. Угорский погребальный об-

ряд характеризуется рядом признаков, которые по отдельности могут наблюдаться и в иных культурах, но в совокупности отражают представления совершенно определенного этноса. Наличие устоявшегося комплекса признаков погребального обряда свидетельствует о существовании традиционных этнических представлений о необходимости совершения при захоронении родственников конкретного круга ритуалов. Это объяснимо с точки зрения этнопсихологии – ведь если не соблюсти сложившиеся на протяжении многих поколений правила, то предки могут не принять покойного в свой круг, посчитать его чужаком.

Наиболее выразительными «угорскими» признаками погребального обряда, по мнению большинства исследователей, является помещение в погребение останков коня (в южных культурах т.н. «комплекса коня», в северных – черепов или отдельных челюстей), применение металлических погребальных масок, а также использование поясных сумок-ташек и оружия (сабли, боевые топоры). Следует подчеркнуть, погребальные маски, вероятно, чаще применялись при захоронении социальной элиты, о чем свидетельствует богатый комплекс погребального инвентаря в подобных погребениях. С «элитарными» захоронениями связаны и некоторые отступления от общего погребального обряда: биобрядность, противоположная ориентировка захороненных и пр., что, однако, говорит не об иноэтничности верхушки общества, а об особом к ней отношении, что находит подтверждения в этнографии обских угров [4, с. 82–122]. Следует отметить, что в Венгрии «периода Арпадов» погребения с лошадиными костями, уздой и стременами, оружием, поясными сумками и драгоценными украшениями составляют около 3%, что очень близко к могильникам Предуралья.

Анализ разнообразных предметов материальной культуры, относимых к «угорским этномаркерам» [6–8, 14, 19] показал, что в целом, несмотря на разницу в географическом и хозяйственном по-

ложении, все племена угров степи, лесостепи и леса имели много общего в материальной культуре. Так, массовое распространение шнуро-гребенчатой круглодонной посуды вкупе с иными признаками (погребальный обряд, этномаркирующие предметы) на территории ломоватовской и полумской культур свидетельствуют о том, что в определенный период (а именно в VII – начале XI вв.) именно эти территории выступали в качестве ядра угорской общности, в X–XI вв. это ядро сдвинулось к востоку – в Зауралье и Приобье.

Отметим такой парадокс: шнуро-гребенчатая средневековая керамика, безусловно, использовавшаяся в единой этнической среде, исследователями зауральских культур безоговорочно связывается с предками манси, а большинством исследователей предуральских культур – с «финно-пермяками». Аналогичная картина в литературе наблюдается в оценке т.н. «звериных стилей» средневекового искусства населения Урала и Западной Сибири. «Звериный стиль», представленный на западных склонах Урала, традиционно считается частью финно-пермской культуры, тогда как «звериный стиль» Приобья и Зауралья относится к угорскому культурному наследию, невзирая на идейную близость, единство и схожесть сюжетов, одинаковость технологического исполнения предметов. При этом если у угров Приобья предметы «звериного стиля» не редкая находка в этнографических материалах, то у «финно-пермяков» Предуралья в этнографическое время эти предметы местным коми населением не признавались своими, а относились к вогульскому (мансийскому) наследию. Звериный стиль на востоке Европы и западе Азии в эпоху средневековья, можно уверенно считать маркером угорского этнического компонента населения. В Приобье в бронзовой художественной пластике он сохранился вплоть до XVI в., а в несколько измененном виде – и в этнографическое время у хантов и манси.

Совокупный анализ материалов, маркирующих предуральские, приобские и за-

уральские археологические средневековые культуры, и их сравнение с археологической культурой мадьяр эпохи Арпада, приводят к мысли, что к VII–VIII вв. н.э. на Урале (по обе стороны хребта) возник ряд полиэтничных объединений, в составе которых в качестве основного компонента присутствовали угры. В IX в. носители караякуповской культуры вместе с частью носителей неволинской культуры вошли в состав мадьярских племен, переселившихся на запад от Предуралья. Эти миграционные процессы значительно ослабили угорскую этнокультурную гегемонию в Предуралье, но она сохранялась еще почти два столетия.

Часть угорского предуральского населения, вслед за своими предками IX–X вв., активно мигрирует в пределы Волжской Булгарии, часть была ассимилирована приходящим финноязычным и смешанным славяно-финским населением, часть поселяется в Западной Сибири, что вызвало миграции самодийского и местного угорского населения, приведшие к изменению этнической карты Нижнего и Среднего Приобья, и значительному усилению угорского элемента в лесной зоне [2, с. 58–59]. В свою очередь, это спровоцировало новую волну миграции полукочевых угров Зауральской лесостепи в Южное Предуралье, где они известны как предчияликские и чияликские племена, расселившиеся от бассейна р. Сылва до р. Белой и Северо-Восточных районов Волжской Булгарии в XII–XIV вв., вошедшие позже в состав предков башкир. Так, к XIV–XV вв. сложились относительно однородно заселенные территории: Западный Урал – финно-пермское население, Средний и Восточный Урал – угорское население.

Исследования объектов археологического наследия в Пермском Предуралье за первое десятилетие XXI в. проводились на различных поселенческих и погребальных памятниках. Исследованию подверглись такие крупные средневековые поселения, как Рождественское, Курпросское, Соломатовское и Рачевское го-

родища, Запосельское и Калининское селища. Исследовались широкими площадями могильники Рождественский, Баяновский, Телячий Брод, Запосельский, Плотниковский.

Особый интерес представляют раскопки Плотниковского могильника в Кудымкарском районе Пермского края, возобновленные в 2007 г. Н.Б. Крыласовой и продолжающиеся под руководством Н.Г. Брюховой. Данный могильник представляет собой уникальный памятник XII–XV вв., связанный с освоением поречья р. Иньва предками коми-пермяцкого населения и переселенцами из северорусских областей. Археологические материалы могильника отражают непосредственную связь с Новгородчиной, а антропологические материалы характеризуют процесс адаптации финно-пермского населения. Могильник расположен в Плотниковской (Сюзьпозьинской) сосновой роще, которая, вероятно, в прошлом считалась священной коми-пермяцкой рощей, особо почитаемым местом, связанным, однако, не с расположенным в ней могильником, а с культом природы. В отношении могильника пожилые местные жители, однако, отмечают, что это кладбище не их предков, так как «наши предки лежат на деревенском кладбище», не связывают могильник с коми-пермяцким народом, и поэтому равнодушно относятся к судьбе древних захоронений, разрушаемых современными грабителями.

В ходе раскопок было изучено погребение (№7), в котором в анатомическом порядке располагался костяк ребенка в возрасте 18 мес.±6 месяцев [3, с. 76–86]. Из погребения происходит медальон из свинцово-оловянистого сплава. На его лицевой стороне имеется изображение птицы, повернутой вправо. У птицы длинный клюв, поднятые вверх крылья, раздвоенный хвост, мощные когтистые лапы. Изображение выполнено имитацией зерни. По контуру медальона – кайма, образованная двумя рядами валиков из продолговатых выпуклин, между которыми помещены расходящиеся радиально 7 парных лучей

из выпуклин, имитирующих зернь. Медальон снабжен литой петлей, имитирующей бусину. С оборотной стороны к медальону припаяна круглая пластина из аналогичного сплава. Подобные медальоны, но выполненные из серебра, известны в материалах Новгорода, где датируются XIV веком [25, с. 45, рис. 15/1, 3].

На черепе погребенного ребенка обнаружены множественные смежные отверстия, имеющие на краях следы меди. По оценке антропологов и судмедэкспертов данные отверстия являются сквозными огнестрельными ранениями. Смерть погребенного наступила в результате попадания в голову с небольшого расстояния медесодержащей картечи. Из погребения были взяты пробы на радиоуглеродный анализ. С высокой долей вероятности калиброванная дата этого погребения относится к периоду 1340–1440 гг. и может быть соотнесена с периодом расцвета Камского ушкуйничества Анфала Никитина. Таким образом, впервые были получены данные о раннем появлении в Приуралье огнестрельного оружия.

С 2008 г., после небольшого перерыва, были возобновлены стационарные исследования Рождественского археологического комплекса в Карагайском районе Пермского края. Рождественский археологический комплекс состоит из Рождественского (большого по площади) и Филипповского (маленького, но хорошо укрепленного) городищ, двух могильников (финно-угорского языческого и болгарского мусульманского) и языческого финно-угорского святилища, описанного в литературе как «Волгинский» или «Рождественский» клад. Первые научные сообщения о Рождественском археологическом комплексе относятся в XVIII столетие [24]. В XIX в. комплекс обследуется известными археологами-собираателями Теплоуховыми, и материалы Рождественского городища составляют большую часть их знаменитой коллекции [27], первые раскопки на территории комплекса проведены председателем Пермской ученой архивной комиссии и основателем

Пермского музея Н.Н. Новокрещенных в 1897 г. [23], в 1980–1990-х гг. комплекс активно изучается КАЭЭ ПГГПУ (под руководством А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой) – результаты этих работ нашли отражение в многочисленных научных и научно-популярных публикациях, итоги двухсотлетнего изучения комплекса подведены в крупной научной монографии, опубликованной в 2008 г. [5]. Материалы из раскопок и сборов на комплексе хранятся в фондах МАЭ ПГГПУ, ПКМ, Карагайского муниципального музея.

Основным населением комплекса были прикамские финно-угры, а также финно-угры – выходцы из-за Урала, с территории Повыхегодья, бассейна р. Чепцы и других финно-угорских территорий. О проживании здесь болгар-торговцев свидетельствует наличие разнообразного торгового инвентаря: весов, весовых гирек, а также деталей и замочков сундучков, используемых для перевозки ценных грузов, свинцовой пломбы для опечатывания связок мехов, пробок и горловин от бурдюков, использовавшихся для перевозки жидкостей в караванах, купеческого верительного знака. Булгары-ремесленники, составлявшие значительную часть постоянного населения комплекса, занимались производством гончарной керамической посуды, о чем свидетельствуют остатки 3 горнов болгарского типа, стеклоделием, бронзолитейным и кузнечным делом. Булгары-мусульмане имели свое кладбище, возникшее еще в домонгольское время и, скорее всего, мечеть или молельный дом. О последнем свидетельствует находка бронзового мечетного светца. Рождественский комплекс – средневековый «городок» Афкула – древнейшее на землях Предуралья место, где достоверно доказано присутствие мусульманского населения. В честь этого в 2012 г. мусульмане Пермского края отпраздновали тысячелетие вхождения ислама на Пермскую землю. Наличие мусульманского могильника, непосредственно примыкающего к оборонительным сооружениям Рождественского городища, является бесспорным свиде-

тельством проживания болгар на городище. Краниологическая серия Рождественского мусульманского могильника может быть охарактеризована как брахикранная, что отличает ее от местных финно-угорских долихо-мезокранных типов и сближает с краниологией собственно болгарских серий (измерской, биярской и др.). По затёкам зубной эмали у черепов из мусульманских погребений определяется склонность к монголоидности. Эти наблюдения также сближают рождественскую серию с биярскими [10].

Среди разного по происхождению населения комплекса присутствовали и древние хакасы. На это указывают как многочисленные находки пряжек, обоймочек и поясной гарнитуры аскизского типа (последняя могла быть и предметом торговли), так и находка крюка для подергивания седельных ремней и для шнуровки. По мнению исследователей аскизской культуры, такие крюки являются свидетельством непосредственного пребывания хакасских всадников на тех памятниках, где крюки найдены. Всадники-аскизы могли быть охранниками торговых караванов и сами вели дальнюю торговлю, о чем говорят, например, находки болгаро-прикамских наборных поясов в Приангарье [26, с. 208].

Все указывает на то, что археологический комплекс в древности, безусловно, был опорным пунктом международной транзитной торговли. Среди монет преобладают арабские дирхемы (в том числе болгарского чекана), имеются монеты ордынских ханов, обнаружен также обломок (1/3) серебряного денария – Этельреда, короля Англии, время чеканки – между 1009–1017 гг. Таким образом, период активной жизни на памятнике и выполнение им роли опорного торгового пункта можно отнести к первой четверти X – середине XIV веков, расцвет комплекса приходится на период X–XII вв.

За последние 10 лет на комплексе вскрыто более тысячи квадратных метров, изучены новые погребения в мусульманской и языческой частях могильника,

крупные мастерские, связанные с обработкой железа и медно-бронзовой металлургией на Рождественском городище, коллекции находок пополнились новыми, не известными ранее на данном памятнике категориями предметов, среди которых наибольший интерес представляют миниатюрные роговые топоры [18], многочисленные цилиндрические тигли, фрагмент формы-изложницы для отливки слитков цветных металлов, специализированные ювелирные инструменты, разнообразные глиняные поделки [15, 16], фрагмент вязаного изделия [13].

На Рождественском городище впервые в Пермском крае произведены исследования с использованием оригинального аппаратно-методического комплекса, основанного на последовательном применении площадного электропрофилирования и электротомографии (автор-разработчик д.и.н. И.В. Журбин). Как показала апробация комплексной методики на площадке поселения и оборонительных сооружений, геофизика (метод электроразведки) позволяет оперативно получить информацию о планировке памятника и структуре его культурного слоя. Опыт проведения междисциплинарных исследований на территории Рождественского городища показал эффективность комплексных электрометрических исследований при определении границ заглубленных объектов и участков с большей мощностью культурного слоя [11]. Основными направлениями дальнейших исследований на Рождественском археологическом комплексе являются расширение участка площадной съемки и проведение геофизических исследований на всем протяжении оборонительных сооружений, что позволит выявить участки с различной технологией насыпи вала, фрагменты рва и иных фортификационных сооружений. Необходимым условием для успешного решения перечисленных задач является проведение раскопок на участках поселения с различным характером культурного слоя. Это позволит уточнить реконструкцию археологических объек-

тов по данным электрометрии и даже, возможно, отыскать остатки домонгольской мечети Афкулы – древнейшей мечети на территории Урала.

Одним из важных направлений исследований Отдела являются вопросы освоения края русскими, проведены исследования крепости и святилища Искор в Чердынском районе и археологические исследования города Чердынь. В Чердыни предстоит решить вопрос о точном месторасположении и плане Кремля, что в определенной мере будет способствовать возвращению этому старейшему русскому городу Урала его исторического облика. Под руководством П.А. Корчагина обследованию подверглись части Троицкого городища в центре Чердыни – выявлены фундаменты церкви начала XVII в., особенности планировки и застройки Троицкого холма.

Не менее значимым является изучение материальной культуры средневекового населения Западного Урала. Целый ряд публикаций посвящен исследованию бытовых вещей, деталей костюма, украшений, с помощью комплексной методики по материалам Рождественского могильника выделены хронологические особенности материалов X–XI вв. [18].

Значительное внимание уделяется вопросу изучения отдельных элементов повседневной культуры средневекового населения Пермского Предуралья с целью восстановить особенности бытового устройства и реконструировать систему жизнеобеспечения. Это направление на основе археологических источников разрабатывалось Н.Б. Крыласовой и нашло свое воплощение в монографии [12]. По итогам данного исследования было подготовлено две части учебного пособия для обеспечения спецкурса «Материальная культура средневекового Прикамья» в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете [21, 22].

В дальнейшем предполагается развитие этого исследования в рамках изучения адаптации средневекового населения к природной и социальной среде на осно-

ве комплекса археологических, антропологических и письменных источников с привлечением данных ряда естественно-научных дисциплин. Важное значение для разработки данной темы имеет Грант РФФИ на 2014–2016 гг. по теме «Хозяйственное освоение территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья и биосоциальная адаптация населения к изменяющимся в ходе хозяйственной деятельности условиям окружающей среды», исследования по которому осуществляются коллективом в составе Н.Г. Брюховой, П.А. Корчагина под руководством Н.Б. Крыласовой. Новизна данного исследования заключается в объединении методов различных дисциплин гуманитарного и естественно-научного направления для достижения общей цели – формирования глубоких и объективных представлений об особенностях биосоциальной адаптации средневекового населения к условиям Пермского Предуралья и эволюции системы жизнеобеспечения.

Сотрудниками Отдела Н.Б. Крыласовой и Ю.А. Подосёновой ведется изучение технологии бронзолитейного и ювелирного ремесел Предуралья в период средневековья. Работы проводятся с использованием современной RFA-технологии и цифровой микроскопии. Исследовано более четырех тысяч образцов медных, бронзовых и серебряных изделий, слитков, плавильных сосудов, создана электронная база данных, получено свидетельство о ее государственной регистрации. Исследователи пришли к четкому пониманию того, что в средневековом Прикамье сложился собственный центр среброделия, в продукции которого сочетаются традиции болгарского и местного ювелирного искусства.

Отдел имеет все возможности для расширения диапазона археологических и исторических исследований, и в перспективе следует ожидать углубления представлений об историческом прошлом нашего края, нового уровня обобщений и понимания роли региона в Евразийских процессах различных исторических периодов.

Библиографический список

1. *Алексеев В.П.* Историческая антропология и этногенез. – М: Наука, 1989. – 445 с.
2. *Белавин А.М.* Миграции и колонизация в древней истории Предуралья // Уральский исторический вестник. – 2009. – №2 (23). – С. 50–59.
3. *Белавин А.М., Брюхова Н.Г., Крыласова Н.Б.* Погребение 7 позднесредневекового Плотниковского могильника // Российская археология. – 2012. – №2. – С. 76–86.
4. *Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние века. – Уфа: БГПУ, 2009. – 285 с.
5. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ, 2008. – 603 с.
6. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Погребальные лицевые покрытия как угорский маркер // Между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития: Материалы Всерос. науч. конф., посв. 20-летию ИИиА УрО РАН. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – С. 47–51.
7. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Рукояти шильев в угорских древностях // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран, в 2 т. – М: ИА РАН – ИИМК РАН. Изд-во: «Ломоносовъ». Т.1., 2010. С. 97–102.
8. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Козлов А.И.* Приуральские материалы в средневековых древностях Ветлужско-Вятского междуречья (комментарий к этнокультурным процессам I–II тыс. н.э.) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2010. – С. 106–122.
9. *Бельх С.К.* Этнос и археологические «этномаркеры» (полемиические заметки) // Вестник Удмуртского ун-та. – 2013. – Вып. № 5-1. История и филология. – С. 100–104.
10. *Брюхова Н.Г.* Антропологический материал Рождественского могильника // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2006. – Вып. 1. – С. 145–148.
11. *Журбин И.В.* Геофизические исследования планировки и оборонительных сооружений Рождественского городища // Тр. КАЭЭ ПГПУ. – Вып. VIII. – Пермь: ПГПУ, 2012. – С. 306–312.
12. *Крыласова Н.Б.* Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. – Пермь: ПГПУ, 2007. – 352 с.
13. *Крыласова Н.Б.* Керамические изделия неопределенного назначения из раскопок Рождественского городища 2008-2010 гг. // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2010. – Вып. 3. – С. 45–50.
14. *Крыласова Н.Б.* Маркирующие элементы материальной культуры угров эпохи средневековья // Пермские финны: археологические культуры и этносы: Материалы I Всерос. науч. конф. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2007. – С. 166–173.
15. *Крыласова Н.Б.* О первой находке фрагмента вязаного изделия в Пермском Предуралье // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2010. – Вып. 3. – С. 7–12.
16. *Крыласова Н.Б.* Роговые топорики с Рождественского городища // Российская археология. – 2013. – №3. – С. 125–128.
17. *Крыласова Н.Б.* Средневековые антропоморфные глиняные статуэтки Пермского Предуралья // Труды III (XIX) Всерос. археологического съезда. Т. II. – СПб.-М.-В.Новгород: ИИМК РАН, 2011. – С. 57–59.
18. *Крыласова Н.Б.* Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (По материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского ун-та. Сер.: История. – 2013. – №1. – С. 104–115.
19. *Крыласова Н.Б.* Шнуровой орнамент – этнический маркер в культурах Предуралья эпохи железа // Пермские финны и угры Урала в эпоху железа / Тр. КАЭЭ. Вып. VI. – Пермь: ПГПУ, 2009. – С. 118–125.
20. *Макарова Е.Ю.* Язык в системе этнических признаков // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. – 2009. – №2 (10). – С. 184–188.
21. Материальная культура средневекового Предуралья. Ч. I / Культура жизнеобеспечения / *Н.Б. Крыласова, Ю.А. Подосенова.* – Пермь: ПГПУ, 2010. – 183 с.
22. Материальная культура средневекового Предуралья. Ч. II / Культура производства. Вооружение. Торговля / *А.М. Белавин, А.В. Данич, Н.Б. Крыласова, Г.Т. Лещ, А.Н. Сарapultов, Ю.А. Подосенова.* – Пермь: ПГПУ, 2010 – 189 с.
23. *Новокрестьянских Н.Н.* К исследованиям Пермской губернии (отчет). Рукопись. Архив ИИМК, ф.1 1898 г. д. №29 за 1897.
24. *Рычков Н.П.* Продолжение журнала или дневных записей путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства. – СПб., 1772.–138 с.
25. *Седова М.В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). – М.: Наука, 1988. – 196 с.
26. *Сенотрусова П.О.* Северное Приангарье в начале II тыс. н.э. в системе межкультурных связей //

- IV Северный археологический конгресс: материалы. 19–23 октября 2015, г. Ханты-Мансийск / Отв. ред. Н.М. Чаиркина. – Екатеринбург: Правительство ХМАО-Югры, 2015. – С. 207–209.
27. Спицин А.А. Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. №26. – СПб.: Имп. Арх. комиссия. – 109 с.
28. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М: Наука, 2003. – 544 с.
29. Schermerhorn R.A. Comparative Ethnic Relations; a Framework for Theory and Research. – New York: Random House, 1970. – 327 p.

AN ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE WESTERN URALS AT THE BEGINNING OF XXI CENTURY: EXPEDITIONARY, RESEARCH AND PUBLISHING PROJECTS

A.M. Belavin

Perm scientific center RAS UD

A study of the history of the Western Urals and adjacent territories is investigated by archaeologists and historians of the Department of History, Archaeology and Ethnography of the Perm Scientific Centre in the modern period. The directions and theme of the carried out research and their results are analyzed, some promising areas of scientific research are defined.

Keywords: the Western Urals, archaeological cultures, ethnic processes, material culture, anthropology, historiography, Perm scientific centre.

Сведения об авторе

Белавин Андрей Михайлович, доктор исторических наук, заведующий отделом истории, археологии и этнографии, Пермский научный центр УрО РАН (ПНЦ УрО РАН), 614990, г. Пермь, ул. Ленина, 13А; e-mail: belavin@pspu.ru

Материал поступил в редакцию 02.11.2015 г.